

...И ПРЕЖДЕ ВСЕГО – ПОЭТ

ОБ ИСКУССТВЕ ВЛАДИМИРА ЯХОНТОВА

В довоенные годы ленинградская молодежь, а особенно студенты, просто обожали концерты-спектакли превосходного чтеца Владимира Яхонтова. Очень любили бывать на его представлениях и студенты литфака института им. А.И. Герцена. В ту пору билеты стоили весьма дешево, но достать их было очень трудно. Посему студенты-герценовцы посылали гонцов в Центральный лекторий, где особенно часто выступал Яхонтов, и те закупали билеты на учебные группы и на весь курс. Многократно посещал представления Яхонтова и выпускник института им. А.И. Герцена Леонид Хаустов – не только поэт и переводчик, но и критик, исследователь литературы и театра. Пожалуй, из того, что написано о Яхонтове, это самый лиричный и тонкий этюд.

Артисты разговорного жанра, или, как принято говорить, мастера художественного слова, приходят и уходят, рождаются и умирают («театры одного актера»), и только он, Владимир Яхонтов, – один, как и прежде. Имя его обрывает легендой, все чаще пишущие о нем называют его классиком. А ведь актеров обычно не принято называть классиками. И все же Яхонтова так называют. В чем же дело?

Впервые я попал на выступление Владимира Яхонтова в середине тридцатых годов.

На пустой сцене – стул спинкой к зрительному залу. Из-за кулис выходит высокий светловолосый, причесанный на косой пробор человек. И сам себя объявляет: «Александр Блок. Поэма «Возмездие». Читает Владимир Яхонтов». Затем в мгновение ока он оказывается сидящим верхом на стуле с простертой вперед и немного ввысь рукой. К нашему удивлению, блоковский «Возмездие» начинается с пушкинских ямбов «На берегу пустынных волн...». В чтении Яхонтова рождается новое произведение, автором которого был этот неповторимый художник, мастер слова и сцены – Владимир Николаевич Яхонтов.

Так кем же он был, этот загадочный человек, замечательный артист, создатель «Театра одного актера», лауреат Первого всесоюзного конкурса чтецов-исполнителей, литератор, создавший столько интереснейших композиций?

В середине тридцатых годов чаще всего я ходил «на Яхонтова» в Лекторий на Литейном проспекте. Самые молодые и восторженные его почитатели, мы, старшие школьники и студенты, жались к оркестровой яме, а Яхонтов возвышался над нами, словно живой памятник. Приходилось заирать голову так, что потом долго болела шея. Три часа пролетали как мгновение.

Два вечера подряд Яхонтов исполнял всего «Евгения Онегина». Как живые, в течение двух вечеров были пред нами пушкинские герои. А сколько нового, своего привносил артист в исполнение бессмертного романа! Так, в сцене Татьяны с няней он совершенно неожиданно начинал петь народную песню:

Когда станешь большая, –
отдадут тебя замуж,
В деревню большую,
в семью – то чужую.
А в будни там –
дождь, дождь...

А в праздники там –
дождь, дождь...
Мужики там дерутся,
топорами секутся...

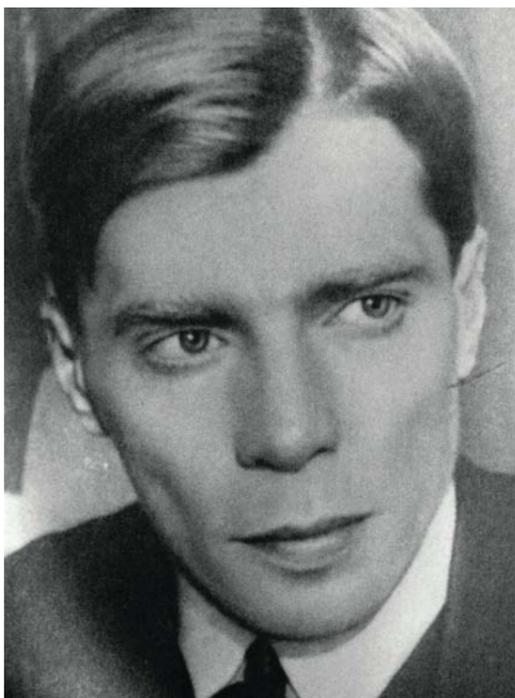
Песню эту я цитирую по памяти, запомнив ее почти сорок лет тому назад. Такова была сила впечатлений! Подобные находки были у Яхонтова сплошь и рядом. Но они всегда были органичны для исполняемого произведения, напрямую не иллюстрировали его, а дополняли всегда свежо и неожиданно.

Чаще всего те, кто пишет и говорит о Яхонтове, видят в нем главным образом актера-новатора, открывшего новые пути исполнительского искусства. Но, спрашивается, – какого искусства? Только ли исполнительского? Почему же тогда, например, в яхонтовской композиции 1936 года «Новые плоды» прекрасно уживались рядом сонеты Петрарки и газетная публицистика?

В предисловии к книге Владимира Яхонтова «Театр одного актера», в которой с большой силой проявился незаурядный литературный талант автора, Иракий Андроников вполне справедливо замечает: «Он пришел на эстраду как публицист, агитатор... Это был актер, рожденный революцией, смелый, дерзающий, охвативший строительством нового мира...» И далее: «Не довольствуясь ролью посредника между автором и зрительным залом, Яхонтов сам как бы становился на время и автором и произведением». Удивительно точное замечание! Только для тех, кто его видел и слышал на эстраде, он становился не на время, а навсегда соавтором исполняемого им произведения. Это особенно важно в понимании творчества Владимира Яхонтова.

Чтение стихов Яхонтовым было, конечно же, сугубо поэтическим по манере, только без присущей многим поэтам заунывной монотонности. Неожиданные акценты на отдельных словах, равно как и паузы, столь же неожиданные, делали стихи, читаемые Яхонтовым, как бы творимыми прямо у нас на глазах.

Однажды, наверное, в десятый раз выходя на бис, несмотря на позднее время, Яхонтов прочитал стихи Маяковского для детей про зоосад с

не накопили строчки, краснодеревщики не слали мебель на дом». Почти всю жизнь он прожил в коммунальных квартирах, был совершенно непрактичным в быту.

Что бы ни читал Яхонтов, кого бы ни читал Яхонтов, кого бы ни читал – Пушкина, Маяковского или Есенина, – у него была своя, яхонтовская, неповторимая интонация и при том – не актерская, а именно поэтическая. И мы, его слушатели и зрители, узнавали его прежде всего по этой поэтической интонации.

В самом конце тридцатых годов, читая уже на бис, Яхонтов вдруг объявил: «Сергей Есенин. «Цветы мне говорят: прощай!». Когда смолкла овация, он прочитал это стихотворение, привнес в вопросительную интонацию в последнюю строку:

Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.

Меня тогда осенило – это он о себе. Он – поэт, и стихами Есенина он говорит с нами о себе, от себя. Может быть, это единственный в своем роде случай, когда истинный поэт выражал себя чужими стихами.

концовкой: «Видел всех, пора домой. До свиданья, зверики!». Это шутовское обращение к зрителям – «зверики» – было прекрасно понято: устал, мол, хватит! Яхонтов показал рукой на горло, и зал в последний раз взорвался благодарными аплодисментами. А я тогда, помнится, подумал: ведь это не что иное, как поэтический экспромт самого Яхонтова! Несомненно, это поняли и почувствовали и все сидевшие тогда в зале.

Яхонтов, не писавший стихов, был, тем не менее, подлинным поэтом. Он умел, по выражению Пушкина, «думать стихами». Он жил

узнавали его прежде всего по этой поэтической интонации.

ПВ ФАКТЫ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЯХОНТОВ (1899–1945)

Русский актер, мастер художественного слова. Лауреат первой премии Первого Всесоюзного конкурса мастеров художественного слова (1937).

Владимир Николаевич был первым исполнителем поэм Маяковского «Человек», «Война и мир», «Облако в штанах», «Люблю», «Про это на эстраде». В 1931 году он выступил с композицией «Вечера Маяковского».

В годы Великой Отечественной войны Яхонтовым были созданы лирико-эпические композиции «За Родину» (1941), «Россия грозная» (1942) и другие. Фрагменты из произведений Б. Горбатова, В. Гроссмана, О. Берггольц, проза Толстого, стихи Пушкина в сочетании с музыкой Баха, Бетховена, Листа, Рахманинова, Шостаковича составили композицию «Гост за жизнь» (1944).

Искусство Яхонтова уникально. Он создал новый жанр – театр одного актера, – которого до него не было. Этот жанр явился синтезом искусства актера, художественного слова и исследования литературы.

стихом. Он мыслил поэтическими образами, сближая и сталкивая их, ясно выражая при этом свое мироощущение.

Чтобы выразить себя, свое поэтическое «Я», он использовал небожирские сокровища русской и мировой поэзии. Он держал в голове, всегда готовый к работе, немислимое количество поэтических и прозаических текстов. Сколько их ни заучивай, они все равно будут мертвым грузом, если не живешь, как и положено творцу.

Яхонтов и жил, как истинный поэт. Его интересовало только творчество. Как и боготворимый им Маяковский, он с полным правом мог бы сказать и про себя: «Мне и рубля

Впоследствии, думая о феномене Яхонтова, я приходил к выводу, что его уход от театра, от реквизита, костюмов, декораций – это его путь в поэзию, путь поэта.

Порою, говоря о Яхонтове, приводят примеры его актерской оперативности. Часто при этом вспоминают его гастроли зимой 1938 года в Тбилиси. Пришло известие о гибели Чкалова – и вместо объявленной программы он уже читал «Венок на гроб Чкалова». Композиция включала в себя статьи, очерки, стихи. Все произведения исполнялись, конечно, наизусть. Выучены они были в самое короткое время. Оперативность актера – и только? Нет! Оперативность литератора, режиссера и

актера. В зале плакали. Композиция была подготовлена ...за сутки! Это было то же, как если бы Яхонтов написал большое стихотворение. Свое. Это было душевным откликом поэта, артиста и гражданина.

Только ли интонация владела им или, точнее говоря, – он блистательно владел интонацией? Он мог, например, ничуть не шокируя зрителей, лечь на концертный рояль во всю его длину и, заложив за голову руки, читать залу есенинские стихи:

Хорошо лежать в траве
зеленой
И, впиваясь в призрачную
гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый
и влюбленный,
На себе, уставшем,
вспоминать.

В эти мгновения он был словно самим Есениным, творящим на высоких берегах Оки эти незабываемые строки!

И эти мгновения до сих пор стоят у меня перед глазами. Он учил меня, начинающего поэта, быть в поэзии вольным, жить в ней, растворяясь, быть птицей в небе, рыбой в воде, ветром над землей. И в то же время его искусство было мудрым, интеллектуальным и интеллигентным.

Я думаю, что тема духовности защитников блокадного Ленинграда – его творческий приоритет. Благодаря ему я стал ревностным приверженцем именно этого подхода к блокадной теме в поэзии. Низкий поклон ему.

В 1979 году ему исполнилось бы восемьдесят лет. Обладая абсолютным поэтическим чувством всего нового, он и в таком преклонном возрасте продолжал бы слушать своему искусству. Он умел видеть и понимать главное. Тогда, осенью 1943 года, побывав в блокадном Ленинграде, открыл он тему духовности нашего народа, которая помогла нам выстоять и, в конце концов, победить. Вот строки, написанные Яхонтовым прозой, но они – истинная большая поэзия, их хочется заучивать наизусть – такова сила их проникновения в правду жизни:

«Несмотря на голод, на блокаду, на падающие снаряды, на руины, на смерть, люди поражали совершенно особой чистотой морального облика. Несмотря на все трудности, утрату близких, чудовищные потери, их глаза, как мне казалось, смотрели в коммунизм... Они прошли какое-то очистительное пространство таких бед и потрясений, которое ставило их далеко впереди нас...

Нам следовало еще приблизиться к ним и еще понять их, учиться у них мужеству, чистоте и величю духа». Эти яхонтовские слова – о ленинградцах.

Приехав из блокадного Ленинграда в Москву, он твердил: «Надо скорее перебраться в Ленинград, надо спешить, надо жить в Ленинграде...». Так мог жить и чувствовать только истинный поэт.

К счастью, истинные поэты не только не умирают, но даже и не стареют. И в нашей памяти ему столько лет, сколько было на зававших в душу яхонтовских спектаклях.

Материал подготовлен
Николаем СОТНИКОВЫМ